

УДК 347.44

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65>

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. П. Матвеев

Воронежский государственный университет

LEGAL GUARANTEES OF INFORMATION RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

S. P. Matveev

Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются вопросы правового регулирования обеспечения гарантий информационных прав граждан в условиях цифровизации общества. На основе понимания информационных прав как неотъемлемой части фундаментальных прав человека анализируется с теоретической и практической точки зрения понимание феномена «цензура». Высказывается мнение по поводу использования в законодательстве Российской Федерации двух терминов, обозначающих цензуру: «позитивная цензура» и «незаконная цензура». Акцентируется внимание на вопросе нарушения информационных прав граждан в сфере потребительского рынка, а также в области оказания рекламных услуг.

Ключевые слова: информация, конституция, информационные права, цензура, информационные технологии, публичное пространство.

Abstract: the article examines the issues of legal regulation of ensuring guarantees of information rights of citizens in the context of the information revolution. Based on the understanding of information rights as an integral part of fundamental human rights, the understanding of the phenomenon of “censorship” is analyzed from a theoretical and practical point of view. An opinion is expressed regarding the use of two terms denoting censorship in the legislation of the Russian Federation: “positive censorship” and “illegal censorship”. Attention is focused on the issue of violation of information rights of citizens in the consumer market, as well as in the provision of advertising services.

Key words: information, constitution, information rights, censorship, information technology, public space.

Актуальность проблематики гарантий информационных прав граждан объясняется высокой значимостью информации в жизни человека, поскольку человек с момента рождения взаимодействует с окружающим миром и познает его с помощью получаемой визуальной, звуковой, тактильной и иных видов информации. Наряду с этим информационные права являются неотъемлемой частью фундаментальных прав человека и по этой причине нуждаются в соответствующей правовой защите.

Современный мир уже невозможно представить без информационных технологий, ко-

торые играют ключевую роль в обществе, оказывая значительное влияние на различные сферы жизни. Кроме того, информационные технологии существенно изменили способы общения между людьми. Социальные сети, электронная почта, мессенджеры и видеозвонки делают общение быстрее и доступнее, стирая географические границы. Это помогает субъектам информационного пространства поддерживать связи, делиться информацией, приобретающей статус важнейшего стратегического ресурса государства.

Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что информационные тех-

© Матвеев С. П., 2025

нологии могут вызывать ряд вредных последствий и представлять собой серьезные вызовы для общества. В эпоху цифровых технологий личные данные пользователей становятся уязвимыми. Часто компании собирают, хранят и обрабатывают информацию о своих клиентах, что может привести к утечкам данных, взлому и несанкционированному доступу к ним. Это ставит под угрозу частную жизнь пользователей и вызывает обеспокоенность по поводу защиты личной информации, нарушает информационные права граждан.

Системы искусственного интеллекта требуют огромных объемов данных для обучения и оптимизации. Сбор, обработка и хранение личной информации пользователей могут происходить без их ведома или согласия, что ведет к серьезным нарушениям информационных прав. Некоторые технологии, такие как распознавание лиц и анализ поведения, угрожают анонимности пользователей и дают возможность фиксировать, а также отслеживать действия субъектов в публичных местах.

В то же время законодательство, регулирующее использование искусственного интеллекта и защиту личной информации, часто отстает от стремительного развития технологий. Это создает проблемы, которые могут привести к нарушениям прав пользователей, включая отсутствие четких правил по ответственности за действия ИИ-систем в случае ущерба.

Проблемы в информационной среде активно обсуждаются в юридической литературе. Так, А. А. Смольяков отмечает: «В условиях постоянного роста цифровизации всех сфер жизнеобеспечения личности, получившей огромное развитие, в том числе и на государственном уровне, в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и вынужденной изоляцией граждан, особое значение приобретает обеспечение безопасности и защиты персональных данных личности»¹.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в информационной сфере, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, выступая на Петербургском международном юридическом форуме, отметил: «С одной стороны, государство не должно оставлять человека в сети интернет

один на один с преступными посягательствами на его права, законные интересы и имущество, с другой стороны, применяемые меры (технологии) противодействия преступности не должны превращаться в чрезмерные ограничения...»². Сложную ситуацию в сфере нарушения информационных прав подтверждают данные судебной статистики. Так, по сведениям Российского агентства правовой и судебной информации, количество судебных дел, предметом рассмотрения которых являлось нарушение законодательства о персональных данных, за период с 2021 по 2023 г. увеличилось более чем в полтора раза³.

Рассматривая вопросы защиты информационных прав граждан, необходимо прежде всего обратиться к определению правовой природы категории «информационные права». Нельзя не отметить тот факт, что проблематика информационных прав в настоящее время характеризуется повышенным вниманием ученых, что находит свое отражение в юридической литературе и диссертационных исследованиях⁴. Различающиеся точки зрения ученых в отношении понимания «информационных прав» свидетельствуют о неоднозначности и сложности объяснения данного феномена. Например, включение в Гражданский кодекс РФ понятия «цифровые права» (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ) повлекло за собой, как указывается в специальной литературе, разногласие в определении дефиниции таких прав⁵. Понятие цифровых прав, закрепленное в Гражданском кодексе РФ, применимо только к гражданским имущественным правоотношениям, действующим в информационной среде. Такое представление о цифровых правах никак не может ассоциировать их с правами информационными, поскольку последние с общепри-

² URL: <http://www.ksrf.ru/RU/PRESS-SRV/SMI/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=5748>

³ URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/73>

⁴ См., например: Павлов И. Ю. Правовое обеспечение доступа к официальной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008 ; Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2020 ; Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2023 ; и др.

⁵ См.: Ситдикова Р. И., Ситдиков Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 78.

¹ Смольяков А. А. К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. 2022. № 2 (34). С. 346.

нятой точки зрения охватывают более широкий диапазон конституционных прав человека: право на свободу слова и выражение мнения; право на доступ к информации; право на неприкосновенность частной жизни; право на защиту персональных данных; право на информационную безопасность и защиту от киберпреступлений.

Представляется, что в самом общем плане информационные права граждан можно определить как совокупность прав, которые обеспечивают защиту личной информации, право на доступ к информации, а также право на свободу слова и выражения мнений. Эти права предопределяются международными стандартами и национальным законодательством и направлены на защиту индивидуальных интересов.

Информационные права и свободы человека и гражданина зафиксированы как в международных документах, так и в национальном законодательстве. К числу международных документов относятся Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. Проанализировав тексты указанных документов, можно отметить следующие факты: во всех указанных актах провозглашается свобода каждого на выражение своего мнения без вмешательства публичных властей; предусмотрена законодательная возможность государств при определенных условиях ограничивать установленные в законодательстве права граждан; не употребляется термин «цензура».

В Российской Федерации информационные права граждан закреплены в Конституции РФ, а также в иных нормативных правовых актах, постоянно совершенствуются нормы, предназначенные для защиты информационных прав и свобод граждан. Тем не менее имеющийся в распоряжении государства правовой механизм не обеспечивает надлежащей защиты рассматриваемых прав граждан. В связи с этим в современном публичном пространстве активно цитируется ст. 29 Конституции РФ, гарантирующая каждому свободу мысли и слова, в которой каждая из пяти частей является гарантией информационных прав. Особое внимание при изучении данной статьи привлекает ч. 5, декларирующая свободу массовой информации и запрет цензуры. В рассматриваемой норме применены два термина, являющиеся антонимами: «свобода» и «цензура». Однако свобода невозможна в

условиях действия цензуры. Именно поэтому ч. 5 ст. 29 завершается дополнительной гарантией (в отличие от указанных выше международных документов) реализации права на свободу посредством установления запрета на цензуру.

Учитывая тот факт, что информационные права и цензура объективным образом связаны между собой, необходимо обратиться к вопросу о трактовке цензуры.

Еще с момента своего появления цензура стала предметом острых дискуссий ее сторонников и противников. Как указывается в исторических источниках, в Древней Греции в IV в. до н. э. философ Сократ являлся противником цензуры и отстаивал свободу слова. Как сторонник цензуры упоминается философ Платон, он заявлял о необходимости защиты детей от вредной информации: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало...».

Само же понимание цензуры многократно изменялось с течением времени. В Толковом словаре В. Даля 2016 г. «цензура» определяется как учреждение для просмотра, одобрения и запрещения для печати рукописи⁶. Более развернутое определение цензуры содержится в ст. 3 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», полностью посвященной цензуре. Цензура массовой информации определяется как требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно накладывать запрет на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, – такие действия не допускаются. Более того, в развитие ч. 5 ст. 29 Конституции РФ в ст. 3 Закона «О средствах массовой информации» декларируется запрет на «создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации».

Тем не менее следует обратить внимание на тот факт, что порядок применения цензуры

⁶ См.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка : иллюстрированное издание. М., 2016. С. 843.

предусмотрен в нормах действующего законодательства. К числу таких законов, в частности, относятся: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»; Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»; Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле»; Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Однако в перечисленных нормативных актах понятие цензуры не дается, а только регламентируются условия ее применения. Таким образом, сложившийся в законодательстве вакuum в области определения цензуры порождает естественные дискуссии о ее правовой природе. Как и в прежние времена, цензура имеет и сторонников, и противников. Так, А. Б. Эктумаев полагает, что «под цензурой следует понимать систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание общественных интересов, поддержку существующей формы правления и политического режима⁷. С точки зрения Е. А. Агаповой, «цензура – это фактор процесса консолидации, ...основа обеспечения стабильности в обществе»⁸. Позитивное отношение к цензуре демонстрируют К. М. Паронян и Е. А. Апольский, считающие, что «категории “цензура” и “ограничение свободы информации” не тождественны, а, следовательно, цензурой следует считать неправомерное ограничение свободы информации, либо же ее неправомерный полный запрет... Вместе с тем допустимое и вводимое в соответствии с законодательством РФ и с целью защиты прав и закон-

ных интересов личности, общества и государства ограничение свободы информации можно считать “позитивной цензурой”⁹. А. В. Щипков рассматривает цензуру как неотъемлемый атрибут общества: «Можно утверждать, что цензура – это точно такой же социальный институт, как полиция, армия, нотариат или здравоохранение»¹⁰.

Практическим результатом исследований в этой области является, в частности, предложение о необходимости закрепления в законе базового определения цензуры, что будет способствовать ее единообразному применению во всех необходимых сферах.

Наряду с этим исходя из посыла о том, что современная цензура является не системой запретов, а системой «фильтров», как это называется в заграничном законодательстве, ряд авторов предлагают ввести иной термин вместо неблагозвучного «цензура», что, как полагают, возможно уменьшит количество сторонников ее запрета. Например, в практике применения интернет-ресурсов среди медиасубъектов распространен термин «контентная фильтрация» как замена термина «цензура». Тем не менее изменение термина «цензура» вряд ли уменьшит число ее противников, так как критика с их стороны прежде всего направлена на методы, способы, пределы, цели осуществления цензуры со стороны государства, а не сам термин. В связи с вопросом об определении легальных цензурных действий со стороны государства представляется обоснованной компромиссная позиция К. М. Пароняна и Е. А. Апольского, предлагающих ввести в оборот термин «позитивная цензура». Такое решение позволит более четко отграничивать «позитивную цензуру» от «незаконной цензуры».

В современном обществе цензура осуществляется не всегда явно. Например, нередки случаи, когда требования о запрете цензуры пытаются обойти, маскируя цензуру: в социальных сетях пишут о том, что в процессе аккредитации журналистов навязываются договоры о политкорректности между СМИ и органами власти. Подобные противоправные действия должны

⁷ См.: Эктумаев А. Б. Конституционно-правовое развитие цензуры : история и современность // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 4 (73). С. 77.

⁸ Агапова Е. А. Философия цензуры : социокультурный и диахронический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2013. С. 1–2.

⁹ Паронян К. М., Апольский Е. А. Цензура и правомерное ограничение свободы информации в России (доктринальные и нормативно-правовые основания) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9, № 3. С. 48.

¹⁰ Щипков А. В. Тайные смыслы цензуры // Парламентская газета. 2022. 1 апр.

рассматриваться как навязывание незаконной цензуры журналистских сообщений и материалов и нарушение информационных прав. Тем не менее в законодательстве прямо не установлена ответственность за подобные действия.

В наше время в научной среде продолжаются дискуссии о соотношении прав, свобод и цензуры. Как отмечается в специальной литературе, этому способствует неопределенность конституционной категории «цензура». В частности, обращается внимание на следующие обстоятельства. В соответствии с Конституцией РФ цензура запрещена, но в целом ряде действующих законов предусматривается обязательное осуществление цензуры. Кроме того, возникают вопросы об абсолютности действия запрета цензуры и соотношении запрета цензуры с деятельностию Роскомнадзора. В связи с этим в юридической литературе предлагаются варианты толкования ч. 5 ст. 29 Конституции РФ. Так, «обществу в стабильном состоянии цензура не нужна, и поэтому не применяется. Именно эта логика лежит в основании новеллы 29-й статьи Конституции РФ, которая гласит, что «цензура запрещается»¹¹. Другой пример: «юридическое содержание конституционного запрета цензуры состоит в соблюдении государством пассивной обязанности не осуществлять действий, определяемых как цензура»¹².

Приведенные выше выводы и заключения, несмотря на их логичность и обоснованность, являются вариантами авторского толкования смысла ч. 5 ст. 29, в самой же норме однозначно указано: «цензура запрещается», – то есть по смыслу текста запрет цензуры является абсолютным. Однако наряду с этим ст. 55, 56 Конституции РФ предусматривают законодательную возможность для государства ограничивать права и свободы человека и гражданина при определенных обстоятельствах, указанных в этих статьях.

В связи с этим в целях нивелирования неопределенности конституционной категории «цензура» целесообразно дополнить ч. 5 ст. 29 Конституции РФ указанием на условия законной активизации цензурной деятельности, как это сделано в ст. 20 Конституции РФ в отноше-

нии права на жизнь. Часть 1 ст. 20 Конституции РФ гарантирует право на жизнь. Можно ли усомниться в абсолютности этого неотъемлемого права человека, основываясь на ч. 1 рассматриваемой статьи? Однако ч. 2 устанавливает условия исключения из правила ч. 1. Такой подход к формулированию норм права был известен еще со времен Древнего Рима. Nulla regula sine exceptione – нет правила без исключения. Данный постулат соответствует и современным правилам законотворчества, и международной практике.

Нарушение информационных прав субъектов возможно не только в связи с действием цензуры. В нашей жизни такие нарушения часто становятся повседневной обыденностью. Например, выставленный в Интернете ассортимент товаров, указанный в каталоге продавца, не соответствует реальному наличию их в магазине, цены на товары в информационных сетях нередко не указываются вообще. Тем не менее быстро меняющаяся ситуация в ценовой политике, как оправдание несоответствия заявленных и фактических цен, не может служить законным оправданием, поскольку информация, не соответствующая действительности, размещенная публично, противоречит законодательству и является нарушением информационных прав.

Еще один пример относится к маркировке товаров. Назначение маркировки товаров состоит в том, чтобы предоставить необходимую информацию о товаре потребителю. Маркировка товаров является обязанностью производителя, продавца. Но, к сожалению, эта обязанность нередко выполняется халатно, а именно: даты изготовления товара и срока годности проштампованы нечетко или таким цветом, который не виден на фоне упаковки товара; указывается неполная информация о товаре; инструкции по применению товара напечатаны таким мелким шрифтом, что его можно рассмотреть только с помощью увеличительного стекла, и такие попытки со стороны покупателей нередко можно наблюдать в магазинах.

Между тем требования к маркировке продукции установлены Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», техническими регламентами. Следовательно, нестандартная маркировка на-

¹¹ См.: Щипков А. В. Указ. соч.

¹² Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации : содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2019. С. 14.

рушает нормативно установленные требования, и такие действия также являются нарушением информационных прав субъектов.

Однако, несмотря на правовые запреты, указанные правонарушения продолжаются, и такая ситуация требует соответствующего правового решения.

В современной российской информационной среде в последние годы появляется много иностранных слов. Использование их в межличностных отношениях никак не ограничивается. Однако применение иностранных терминов в публичном пространстве должно соответствовать требованиям закона, в данном случае – Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», в котором обозначены нормативные правила применения иностранных слов в публичном информационном пространстве.

В соответствии с ч. 6 ст. 1 указанного закона употребление иностранных слов при использовании русского языка как государственного языка РФ допускается в том случае, если иностранные слова не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и предусмотрены в перечне нормативных словарей. Данное правило вводится с 2025 г. Однако уже сейчас возникают вопросы. Правила использования иностранных слов в русскоязычном тексте во многом дублируются в законах «О государственном языке», «О защите прав потребителей», «О рекламе». При этом их толкование может не совпадать и повлечь неодинаковую практику применения, по сути, одних и тех же правил. В Законе «О государственном языке» не определено понятие «общеупотребительный аналог». Пока эти вопросы остаются без ответа.

Как указано в соответствующих источниках, реклама в России начала применяться еще в X в. А 15 апреля 1855 г. в Берлине под звуки специально сочиненной по такому случаю «Рекламной польки» при большом стечении публики была установлена первая цилиндрическая афишная тумба. Однако с течением времени технологии рекламной деятельности существенно изменились, особенно в наступившую эпоху информационных технологий.

Реклама – это специализированная информация о товарах, услугах, ценах и других сведениях, необходимых в сфере потребительского рынка. Ее интенсивность объясняется возможностью не только сообщить информацию о товарах, услугах, но и возможностью позициониро-

вания торговых марок, создания конкурентных преимуществ и других возможностей.

При этом современная рекламная деятельность не лишена недостатков. Она отрицательно влияет не только на желание потребителей покупать те или иные товары, либо получать услуги, но и нарушает информационные права граждан. К числу таких факторов относится: непомерно навязчивая реклама, которая приводит к негативному восприятию как рекламируемой продукции, так и производящей компании; интенсивность и настойчивость рекламы возрастает до такой степени, что ее можно сравнить с тотальной вакцинацией либо зомбированием населения; одновременный, синхронный по времени показ рекламы на разных каналах; неэтичное, бескультурное содержание некоторых рекламных материалов. Однако если обратиться к Федеральному закону от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», то его нормы не позволяют бороться ни с рекламным перенасыщением, ни с одновременной демонстрацией рекламы, ни с кажущимся чрезмерно громким звуком рекламы. А ст. 14.3. КоАП «Нарушение законодательства о рекламе» не предусматривает ответственности за указанные действия.

Отдельные нормы указанного закона также вызывают вопросы. Так, в ст. 14 запрещается прерывание телепрограммы или телепередачи рекламой, но это правило не распространяется на рекламу спонсора. Таким образом, в отличие от других реклам спонсора может быть показана без предупреждения о ее начале. Получается, назначение данной нормы – застать телезрителя врасплох, чтобы он не успел уменьшить звук телевизора или переключиться на другой канал? Представляется, что такая цель нормы противоречит здравому смыслу.

Улучшить ситуацию в сфере рекламной деятельности можно. С одной стороны, следует организовать большее числа специализированных рекламных каналов на телевидении, создать рекламные цифровые платформы. С другой стороны, необходимо повысить ответственность рекламораспространителей, распространителей спама за несанкционированное распространение своей информационной продукции.

Библиографический список

Агапова Е. А. Философия цензуры : социокультурный и диахронический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2013. С. 1.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка : иллюстрированное издание. М. : Э, 2016. С. 843.

Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : автореф. дис....д-ра юрид. наук. М., 2020.

Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации : содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Пенза, 2019. С. 14.

Павлов И. Ю. Правовое обеспечение доступа к официальной информации : автореф. дис....канд. юрид. наук. М., 2008.

Паронян К. М., Апольский Е. А. Цензура и пра-вомерное ограничение свободы информации в России (доктринальные и нормативно-правовые основания) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9, № 3. С. 48.

Ситдикова Р. И., Ситдиков Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав//Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 78.

Смольяков А. А. К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. 2022. № 2 (34). С. 346.

Сустина Т. И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества : автореф. дис....канд. юрид. наук. М., 2023.

Щипков А. В. Тайные смыслы цензуры//Парламентская газета. 2022. 1 апр.

Эктумаев А. Б. Конституционно-правовое развитие цензуры : история и современность // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 4 (73). С. 77.

References

Agapova E. A. Philosophy of censorship : socio-cultural and diachronic aspects : dr. legal sci. abstr. dis. Rostov-on-Don, 2013. P. 1.

Dal V. I. Explanatory dictionary of the Russian language : illustrated edition. Moscow : E, 2016. P. 843.

Kamalova G. G. Legal Assurance of Information Confidentiality in Conditions of Information Society Development : dr. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2020.

Kulikova S. A. Constitutional ban on censorship in the Russian Federation : content and problems of implementation : dr. legal sci. abstr. dis. Penza, 2019. P. 14.

Pavlov I. Yu. Legal support of access to official information : cand. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2008.

Paronyan K. M., Apolsky E. A. Censorship and legal restriction of freedom of information in Russia (doctrinal and normative legal grounds) // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 48.

Sitdikova R. I., Sitdikov R. B. Digital rights as a new type of property rights // Property relations in the Russian Federation. 2018. № 9. С. 78.

Smolyakov A. A. On the issue of protecting the rights and freedoms of man and citizen in the context of personal information security // Law. Right. State. 2022. No. 2 (34). P. 346.

Sustina T. I. Legal support of information security of imperfect years in the context of digital transformation of society : dr. legal sci. abstr. dis. Moscow, 2023.

Shchipkov A. V. Secret meanings of censorship // Parliamentary newspaper. 2022. April 1.

Ektumaev A. B. Constitutional and legal development of censorship : history and modernity//Eurasian Union of Scientists (ESU). 2020. No. 4 (73). P. 77.

Воронежский государственный университет

Матвеев С. П., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и административного процессуального права

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Поступила в редакцию: 21.01.2025

Для цитирования:

Матвеев С. П. Правовые гарантии информационных прав в Российской Федерации//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65>

Voronezh State University

Matveev S. P., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Administrative and Administrative Procedural Law Department

E-mail: ser35031333@yandex.ru

Received: 21.01.2025

For citation:

Matveev S. P. Legal guarantees of information rights in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/59-65>